УДК 82.0

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-28-35

Наталья Валерьевна Налегач,

Кемеровский государственный университет

(г. Кемерово, Россия),

e-mail: nalegach@list.ru**Роль мотива чтения в романе К. Паустовского «Блистающие облака» (1928)**

Статья посвящена рассмотрению художественного функционирования мотива чтения в малоизученном романе К. Г. Паустовского «Блистающие облака» (1928). Предпринятый в работе мотивный анализ позволил выявить значимость читательского кругозора персонажей произведения не только для характеристики их внутреннего мира. В том случае, когда речь идёт о круге чтения главных героев, можно говорить о функциях сюжетного предсказания и создания пафоса романтики. В этой связи примечательны упоминания произведений Дж. Лондона, В. Гюго, Э. Гофмана, О. Генри и др. Так как сюжетосложение в «Блистающих облаках» подчинено жанровому заданию детективно-авантюрного романа, то читательский опыт таких героев, как капитан Кравченко, Батулин и Берг, позволяет актуализировать эту форму, выполняя роль жанрового каркаса в произведении с высоким уровнем лирических отступлений. Особенного внимания заслуживает вставной текст – дневник Нелидова, выступающий одновременно в функции искомого сокровища и собственно текста, в котором органично соединены инженерная мысль и художественные достоинства. В силу такого положения в структуре романа дневник Нелидова вступает в сложные диалогические отношения с другими читаемыми героями произведениями, что побуждает к более пристальному анализу его фрагментов в сопоставлении с произведениями реальных писателей. На первый план в этом сопоставлении выходят стихотворение Л. Мея «Галатея» и травелог А. С. Пушкина «Путешествие в Арзрум», что позволяет увидеть место мотива чтения в мотивно-тематическом комплексе творчества, а также выйти к авторской концепции нового человека, воплощённой в образе Нелидова и выступающей подлинной ценностью, побуждающей героев романа отправиться на «поиски сокровища».

Ключевые слова: К. Паустовский, мотив, чтение, роман, поэтика**Natalya V. Nalegach,**

Kemerovo State University

(Kemerovo, Russia),

e-mail: nalegach@list.ru**The Role of the Motive of Reading in K. Paustovsky's Novel *Shining Clouds* (1928)**

The article is devoted to the consideration of the artistic functioning of the reading motive in K. G. Paustovsky's little-known novel *Shining Clouds* (1928). The motivational analysis undertaken in the work revealed the significance of the readers' horizons of the characters of the work, not only for characterizing their inner world. In the case when it comes to the reading circle of the main characters, we can talk about the functions of plot prediction and create the pathos of romance. In this regard, mentioning the works by J. London, V. Hugo, E. T. A. Hoffmann, O. Henry, etc., is noteworthy. Since the plot of *Shining Clouds* is subordinated to the genre assignment of a detective-adventurous novel, the reading experience of such heroes as captain Kravchenko, Baturin and Berg allows you to actualize this form, performing the role of the genre framework in a work with a high level of lyrical digressions. Of particular note is the insertion text – Nelidov's diary, which simultaneously functions as the sought-after treasure and the actual text, in which engineering and art are organically combined. By virtue of this position in the structure of the novel, Nelidov's diary enters into complex dialogical relations with other works read by heroes, which prompts a closer analysis of its fragments in comparison with the works of real writers. This comparison comes to the fore in the poem *Galatea* by L. Mei and the travelogue *Journey to Arzrum* by A. S. Pushkin, which allows you to see the place of the reading motive in the motif-thematic complex of creativity, as well as go to the author's concept of a new person embodied in the image of Nelidov and a genuine value that encourages the heroes of the novel to go on a "treasure hunt".

Keywords: K. Paustovsky, motive, reading, novel, poetics

Введение. Произведение К. Паустовского «Блистающие облака» (1928) относится к раннему периоду творчества, изучение которого обнаруживается в работах Л. С. Ачкасовой, Е. Н. Колесниченко, Л. П. Кременцова, С. А. Мантровой, Е. С. Тереховой, С. Ф. Щелоковой [1; 6–8; 11; 16], и др. Сам

писатель определял жанр «Блистающих облаков» как повесть, но в издательской (во всех собраниях сочинений писателя) и исследовательской традиции он однозначно определяется как роман на основании сложной композиции, параллельности развития сюжетных линий героев, а также вы-

© Налегач Н. В., 2020

являемой ориентации на жанровую модель авантюрно-психологического или приключенческого романа [6, с. 48; 11, с. 22].

В центре системы персонажей оказываются герои, наделенные творческим даром. Капитан Кравченко, ожидая назначения на пароход, занимается переводом книги о безболезненных родах и пишет статьи о своем прошлом, которые Батурин, тоже герой-писатель, пристраивает в морские газеты. Батурин и Берг в прямом смысле слова являются писателями, в их сюжетных линиях основой оказывается мотив становления творческого дара и его воплощения в произведении. Инженер Симбирцев пишет стихи и обсуждает поэзию с Бергом. Лётчик Нелидов оставляет дневник, в котором совмещены научно-технические и литературно-художественные тексты. Его сестра – актриса. Глан – журналист, очеркист и потенциальный писатель. В этом смысле показательны реалии современного К. Г. Паустовскому историко-литературного процесса. Так, его собственное удостоверение о членстве во Всероссийском союзе работников просвещения, в котором он состоял с 1917 года, определяет его специальность как «журналист-литератор» [4, с. 341–342], указывая на совмещение литературного и журналистского творчества в сознании людей постреволюционной эпохи.

Но если образ писателя и мотивно-тематический комплекс литературного творчества закономерно привлекали к себе исследовательское внимание [5], то на важность и необходимость изучения образов героев-читателей, хотя на это и указано в статье Т. И. Шамякиной [14], взаимосвязанный с ним мотивно-тематический комплекс чтения до сих пор практически не исследован. При этом в работе Т. И. Шамякиной в связи с интересом к героям-читателям справедливо делается акцент на том, что в романе «Блистающие облака» обозначение круга чтения персонажа является одним из способов его характеристики. Тем не менее, на наш взгляд, этим художественное функционирование мотива чтения не исчерпывается. Гипотезой предлагаемой статьи выступает тезис о сюжетообразующей роли мотива чтения в романе «Блистающие облака». Актуальность предпринятой работы обусловлена неослабевающим интересом к творческому наследию К. Г. Паустовского. Новизна заключается в изучении художественного функционирования мотива чтения в романе «Блистающие облака».

Методология и методы исследования. Поставленная цель – изучить художественное функционирование мотива чтения в отдельном произведении – диктует обращение к комплексной методологии, основанной на сочетании историко-литературного и структурно-семиотического подходов. Центром их пересечения становится анализ поэтики мотива с опорой на труды И. В. Силантьева [10], В. И. Тюпы [12], Ю. В. Шатина [15] и др. В связи с этим, анализируя роман К. Паустовского, сначала предстоит выявить круг чтения каждого персонажа в романе, затем посредством анализа отсылок к другим произведениям русской и мировой литературы проверить их влияние на сюжетостроение романских линий, наконец, определить, какие из читаемых произведений служат лишь для характеристики героя, а какие имеют сюжетный потенциал.

Результаты исследования и их обсуждение. Уже в первой главе «Истории, рассказанные ночью» появляется описание книг капитана Кравченко, выполняющее не только роль портретной характеристики, подразумевающей и страсть к чтению, и романтичность натуры, но и функцию сюжетного предсказания и, как следствие, жанрового кода, содержащуюся в открытости капитана духу странствий и приключений. Так, среди разного рода специальных изданий упомянут и Джек Лондон. Окружение, в котором появляется американский автор, усиливает потенциальность авантурной интриги: «...Там были лоции, мореходная астрономия, “Азбука коммунизма”, Джек Лондон по-английски, много географических карт и Библия (убеждённый безбожник, он читал Библию исключительно с целью уличить во лжи поповскую клику)»¹. Закономерно, что спор с Симбирцевым и Бергом о лирике, затеянный капитаном, спровоцирует Симбирцева на рассказ о лётчике Нелидове и ценности его дневника, тем самым выступив мотивировкой сюжетной завязки. Более того, сам рассказ о Нелидове в восприятии Батурина вызвал ассоциации с фантастичным миром Гофмана и образом американского писателя Генри, причудливо сочетав их на основе духа романтики, объединившего континенты и времена. Художественность рассказа Симбирцева подчёркнута и противопоставлением уже в восприятии задиристым капитаном услышанного газетной

¹ Паустовский К. Г. Блистающие облака // Собрание сочинений: в 9 т. Романы и повести / вступ. ст. Г. Трефиловой; прим. Л. Левицкого. – М.: Худож. лит., 1981. – Т. 1. – С. 207.

заметке: «Газетная заметка об этой истории не вызвала бы и тени того волнения, какое появилось на щетинистом лице капитана»¹.

Вторая глава, представляющая, по сути, вставной жанр, который тоже строится как синтез устной (рассказ Симбирцева) и письменной (дневник Нелидова) традиций, обретает своего рода значимость самостоятельного художественного произведения, созданного Симбирцевым в совмещении писательских установок Гофмана и Генри. Примечательно, что в «Литературных портретах» Паустовского позже обнаружится целая серия статей о советских писателях, вышедших из состава литературного объединения «Серапионовы братья», а в очерке о К. Федине он даже отдельно упомянет о роли этой группы в становлении советской литературы. Можно предположить, что гофмановское начало в рассказе Симбирцева делает его причастным к эстетическим и поэтическим установкам этой литературной группы, для которой очень важно было сочетание реального и фантастического, умение закручивать и развивать сюжетную интригу, свобода творческих исканий. Эти творческие установки отмечаются практически во всех работах, посвящённых изучению деятельности «Серапионовых братьев» [2; 3; 9]. В контексте ориентации как на поэтику русских «серапионов», так и немецкого романа логична ситуация рассказывания Симбирцевым новеллистичной по своей жанровой природе истории о лётчике Нелидове. Обращает на себя внимание и тот факт, что если ситуация рассказывания истории Симбирцевым соотносена с поэтикой Гофмана, то имя О. Генри, в первую очередь, связано с образом Нелидова. Так, в начале второй главы Симбирцев упомянет, что в кабине разбившегося самолета Нелидова нашли томик О. Генри с пометками лётчика. Примечателен и тот факт, что Батурин, слушая рассказ инженера, видит Генри на месте Берга, интуитивно соединяя, тем самым судьбы Нелидова и Берга мотивом торжества творческого духа над физической обреченностью, как впоследствии откроется в сюжете произведения. Берг, осознавая смертельный характер своей болезни, не сдаётся и завершает работу над начатым произведением, боясь лишь одного – не успеть воплотить замысел.

Несмотря на устный характер, посредством которого с этой историей ознакоми-

лись капитан, Берг и Батурин, она стала частью их читательского опыта, сподвигнув всех троих на поиски похищенного дневника, тем самым, запустив жанровую парадигму приключенческого романа, несущей конструкцией которой становится авантурный сюжет. Примечательно, что в финале своего повествования Симбирцев в качестве героя-авантюриста отмечает именно капитана:

«– Нелидову надо найти и дневник отобрать. Для этого нужны смелые, ни с чем не связанные люди, *немного авантюристы*.

– Я протестую, – капитан скрипнул стулом.

– Не важно. Обидеться вы успеете всегда. Я говорю о деле, а не о ваших чувствах. <...> Я в этом участвовать не могу, я болен. Это для вас. – *Симбирцев кивнул на капитана*»² (курсив наш – Н. Н.). Протест капитана не играет роли, так как в итоге именно он и оказывается организатором приключения, которое, опять же, спровоцировано литературной природой сокровища, на поиски которого отправятся три товарища. И если для капитана Симбирцев подчёркивает равноценность научной и литературной составляющих дневника Нелидова, то, убеждая Берга и Батурина, он напирал именно на литературную значимость искомого: «Дневник этот – событие в литературе наших дней»³.

Таким образом, в основе сюжетной мотивировки оказывается необходимость вернуть дневник, чтобы представить его читателю, вследствие чего мотив читательского внимания становится способом организации связи разных планов реальности с выходом к мотиву рождения нового мира, обозначенного в читательском опыте капитана. Закономерно, что именно круг чтения и определяет его выход в событие приключения, в основе которого оказывается встреча с социально-исторической реальностью современности уже не только и не столько для капитана, сколько для Батурина и Берга.

Центральное место во второй главе занимает вставной текст – дневник Нелидова, который, с одной стороны, охарактеризован как имеющий собственное художественное значение, поскольку создан новым человеком, творцом и испытателем, с другой, включает в себя читательский опыт погибшего героя. Более того, мотив чтения в дневнике соотносён с творческим откликом на читаемое. Так, Нелидов помимо прочего пишет, по сути, две литературоведческие статьи о поэте Л. Мее и о «сколачивании фразы».

² Там же. – С. 222.

³ Там же.

¹ Паустовский К. Г. Блisterающие облака // Собрание сочинений: в 9 т. Романы и повести / вступ. ст. Г. Трефиловой; прим. Л. Левицкого. – М.: Худож. лит., 1981. – Т. 1. – С. 216.

Первая обнаруживает его интерес к русской поэзии XIX века, вторая вызывает ассоциации с исканиями русских формалистов, вызывая в памяти названия работ Ю. Тынянова «Ритм как конструктивный фактор стиха», Б. Эйхенбаума «Как сделана «Шинель» Гоголя» или В. Шкловского «Развёртывание сюжета» и т. п. Примечательно, что цитата из первой строфы стихотворения Л. А. Мея «Галатее», в основе которого разработка античного мифа о Пигмалионе, почти 30 лет спустя будет включена К. Г. Паустовским и в рассказ «Умолкнувший звук» (1957). Этот факт подчёркивает как важность микроцитаты, акцентирующей взаимопроникновение культурного и природного начал в изображении морского пейзажа, для эстетических взглядов автора, так и актуальность в его творческом сознании поэтической обработки древнегреческого мифа о любви творца к своему творению, увенчавшейся оживлением статуи. Как отмечает Л. А. Ходанен, «причиной неугасающего интереса к мифу в разные эпохи было то, что в нем выражен существенный для искусства комплекс отношений творца и его создания, в котором с тайной творчества соединилась любовь» [13, с. 29].

Примечательно, что у Л. А. Мея Пигмалион вызывает о даровании дыхания жизни статуе к Зевсу, а не к Афродите, как это соответствовало бы античному мифу. Думается, это обусловлено стремлением поэта выразить метафизику взаимосвязи художника и Творца в акте художественного творчества, что подчёркнуто в поэтической интерпретации мифа Л. А. Меем в финале второй части стихотворения, когда ожившая Галатеея озвучивает смысл, воплощённый в ней Пигмалионом:

«Вестницей воли богов предстою я теперь пред тобою.

Жизнь на земле – сотворённому смертной рукою;

Творческой силе – бессмертье у нас в небесах!

...И перед нею, своей воплощённою свыше идеею

Перед своей Галатеею,

Пигмалион пал во прах»¹ (курсив Н. Н.).

Выделенные курсивом стихи Л. А. Мея коррелируют с духом эпохи 1920-х годов, с их установкой на жизнестроительство и веру в способность человека созидательно изменить социально-историческую реаль-

ность, создав совершенный новый мир и нового человека. Если вернуться к произведению К. Г. Паустовского, то в ответной речи Нелидова, обращённой к устроившим в его честь банкет жителям Усолья, прозвучит мотив веры в созидательный гений человечества, восходящий к «Галатее» Мея, процитированной непосредственно перед этой сценкой: «Говорил об авиации, о том, что он счастлив покрывать сотни верст над сплошными лесами, чтобы доставить затерянным в глуши людям возможность радоваться вместе с ним человеческому гению, упорству и смелости»². Примечательно, что в ответ на эту речь к нему обращается юная девушка с просьбой отвезти её в Москву, где она могла бы учиться и тем самым стать новым человеком нового мира. И обещание Нелидова на обратном пути залететь за ней и отвезти в столицу коррелирует с расстановкой образов в мифе о Пигмалионе и Галатее. Только древний Пигмалион создал совершенную женщину из мрамора, а новый Пигмалион создаёт её из «ветхой» человеческой натуры, которая вызывает к нему ради высвобождения идеала человечности в ней. Эффект мифопоэтической отсылки усилен реакцией девушки на обещание лётчика: «Наташа взглянула на Нелидова так, что он даже подумал: «Не язычники ли они, эти усольцы. Смотрят, как на божка, даже страшно»»³.

Интересно, что именно после этой сцены Нелидов и узнаёт о существовании поэта Мея, которому впоследствии посвятит статью. Самоироничное четверостишие поэта читает на том же банкете подвыпивший горбун-почтарь, который и отдаёт Нелидову книжку стихов Мея, заодно рассказав о биографических обстоятельствах создания экспромта. В рассказе почтаря в образе Л. А. Мея соединяется высокое и низкое, когда прекрасный вдохновенный творческий порыв к идеалу разрушительно разрешается темой белой горячки и гибели. С одной стороны, это выстраивает преемственность прежнего мира и будущего, когда порыв к мечте наконец-то разрешится гармонией созидания и высокой культуры человека-творца. С другой стороны, учитывая гибель Нелидова, которая отсылает к мотиву современного Икара, этот рассказ горбуна оказывается своего рода метафоричным предска-

¹ Мей Л. А. Избранные произведения / вступ. ст., подг. текста и прим. К. К. Бухмейер. – Л.: Сов. писатель, 1972. – С. 142.

² Паустовский К. Г. Блisterающие облака // Собрание сочинений: в 9 т. Романы и повести / вступ. ст. Г. Трефиловой; прим. Л. Левицкого. – М.: Худож. лит., 1981. – Т. 1. – С. 220–221.

³ Там же. – С. 221.

занием судьбы лётчика. При этом до своей гибели он всё же успевает привезти Наташу в Москву, и она из героини рассказов Нелидова и Симбирцева становится полноценной героиней романа, как бы оживая из двух следующих друг за другом повествований и воплощаясь в реальности основного романного мира, играя в нём важную сюжетную роль. Именно она при встрече рассказывает Бергу подробности исчезновения дневника и Нелидовой из Москвы, тем самым определяя путь странствий трёх героев. Позже она приезжает и в Пушкино, встречаясь с остальными участниками приключения. Тем самым, можно видеть реализацию мотива ожившей Галатеи в судьбе Наташи, ставшей студенткой московского вуза и готовящей себя к жизни врача, что символично воплощает мотив исцеления как необходимого способа соединения прошлого и настоящего ради рождения нового мира. Закономерно, что именно она снабжает героев необходимыми сведениями, выступая персонификацией силы судьбы, отправляющей их в путь, который необратимо изменит каждого.

Привлекает внимание название подмосковного пространства, в котором завязывается сюжет. Это Пушкино. По одной из версий село было названо по имени боярина Григория Пушки, основателя боярского рода Пушкиных, к которому принадлежал и знаменитый русский поэт. Актуальность этой версии происхождения топонима в творческом сознании К. Паустовского поддерживается упоминанием имени Пушкина в первых главах романа. Так, сначала он возникает в ходе спора между капитаном и остальными героями о лирике, того самого спора, который вызвал к жизни рассказ Симбирцева о Нелидове. Причём упоминание имени поэта создаёт комический эффект, так как капитан никак не хочет согласиться с тем, что Пушкин – лирик. И именно невозможность привлечь имя Пушкина как убедительный для капитана аргумент в споре о лирике заставляет Симбирцева упомянуть второе имя – Нелидов. Показательно, что, когда в третьей главе в Пушкино приедет Наташа, Симбирцев и капитан не пойдут с остальными кататься на лыжах, продолжив свой спор о поэзии. И хотя имя Пушкина прямо в этой главе не прозвучит, но косвенно оно возникнет в мотивном комплексе вещего сна и чтения толкования сновидений Мартына Задеки. Так, в пятой главе «Евгения Онегина» Татьяна наутро после «чудного сна» неотрывно читает Мартына Задеку (XXII строфа), а в романе Паустовского после того,

как Наташа достаёт фотографию Нелидовой Батурина невольно отмечает, что видел эту женщину во сне: «Что за чёрт! Эту женщину я сегодня видел во сне. Сны я запоминаю редко. – Начинается чертовщина!»¹. Во-первых, мотив чертовщины объединяет романы Пушкина и Паустовского, достаточно вспомнить демонизм свиты Евгения в сне Татьяны. Во-вторых, как покажет развитие сюжетного действия, в обоих романах сны носят вещий характер, «сбываясь» в судьбах героев и реализуясь в сюжетных ситуациях: метафорично у Пушкина, практически буквально у Паустовского. В-третьих, на реплику Батурина о сне откликается капитан Кравченко, насмешливо предлагая ему купить Мартына Задеку. Примечательно, что свой сон Батурин перескажет во время лыжной прогулки Наташе и Бергу, а капитан и Симбирцев, оставшиеся в доме спорить о лирике, о нём не узнают. Можно видеть, как пушкинский претекст всё больше соотносится с Батуриным и Бергом, видимо, подчёркивая их причастность сфере литературного творчества, а также не только способствует созданию атмосферы литературности происходящего, но и усиливает сюжетообразующий характер мотива чтения.

Тем не менее, упоминание Пушкина в начале романа не становится основой мотива чтения его произведений. Он оформится лишь ближе к финалу, в главе «Голубятня в Солопаках». Здесь разделившиеся герои снова соберутся вместе, причём после долгой разлуки капитан Кравченко на радостях назовёт Батурина Мартыном Задекой, а тот в ответ познакомит его с Нелидовой, что подчеркнёт вещий характер сна, увиденного им накануне приключения. Примечательно, что после воссоединения героев и в преддверии столкновения с похитителем дневника Пиррисоном Берг, находясь в кругу друзей, мечтает перечитать «Путешествие в Эрзрум» (так!) Пушкина. Однако вместо чтения происходит перестрелка Батурина с Пиррисоном, возвращение дневника, впечатлением от чтения которого делится уже капитан Кравченко в палате раненого и только что пришедшего в себя Батурина. Обращает на себя внимание тот факт, что имена Пушкина и Нелидова снова оказываются рядом, и вместо Пушкина капитан читает страницы дневника погибшего лётчика и снова испытывает потрясение.

¹ Паустовский К. Г. Блистающие облака // Собрание сочинений: в 9 т. Романы и повести / вступ. ст. Г. Трефиловой; прим. Л. Левицкого. – М.: Худож. лит., 1981. – Т. 1. – С. 228.

Думается, это композиционное соседство имен символично. Так, во фрагменте дневника Нелидова, который читает для всех вслух Батулин, дана зарисовка временной небольшой остановки в полёте из Тифлиса в Москву, отсылающая к травелогу Пушкина, желание перечитать который до того возникло у Берга как раз из-за пребывания в Тифлисе, так как для него пушкинское произведение ассоциировалось с этим пространством. Однако, как показывает чтение Батуриным дневника Нелидова и сюжетное развитие линии раскрытия писательского дара, географической мотивировкой мечта о чтении пушкинского «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года» не исчерпывается. Соседство кавказской и французской зарисовок в дневнике Нелидова неявно перекликается с мотивировкой написания «Путешествия в Арзрум», которая в предисловии Пушкина объясняется откликом на французский текст.

Думается, что такое совпадающее соседство топосов не случайно и работает на создание мотива двойничества, повышающего значимость дневника Нелидова как национального сокровища и способствующего созданию образа самого лётчика и писателя как нового человека, реализовавшего в себе гоголевское пророчество из статьи «Несколько слов о Пушкине» о совершенстве будущего русского человека в неразрывной связи с именем великого русского поэта: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет. В нём русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла»¹.

Интересно, что пушкинский текст перечитывает Берг, а нелидовский – Батулин. На наш взгляд, это объясняется развитием сюжетных линий этих персонажей. Оба они писатели. Но Берг обращён в прошлое, его замысел уже родился, и он боится не успеть его воплотить, а Батулин ориентирован в будущее. Непростое путешествие в погоне за дневником Нелидова обернулось для него обретением своего места в мире и раскрытием творческого дара. Если Берг завершает свой роман, то Батулина его произведе-

ние ещё предстоит. Но именно Берг в начале романа подтолкнул Батурина к встрече с современностью, которая и привела героя к раскрытию творческих способностей. Таким образом, пушкинская аллюзия не исчерпывается образом Нелидова и служит неким универсальным символом судьбы подлинного художника слова.

Примечательно, что мотив чтения преобладает в самом начале романа, в первых четырёх его главах, что объясняется его художественным функционированием. С одной стороны, в этих главах вводятся основные герои, с другой – завязывается детективно-приключенческий сюжет. Тем не менее, окончательно он не уходит и актуализируется, когда в повествование вводятся новые персонажи, способствуя прорисовке их образов. Так, в главе «Берг» герой, находясь в Одессе, возобновляет знакомство и пользуется помощью и поддержкой Обручева, который изображен как преданный читатель М. Пруста. В той же главе чтение Бергом стихов Эредиа вновь актуализирует сюжетную функцию, маркируя завершение истории с возвращением девочки: «Стихи он читал редко, только после завершения крупного дела»². А в главах «Беззаботный попутчик» и «Норд-ост» творческая натура Глана раскрывается как целая система читательских предпочтений. Это и «Труженики моря» В. Гюго, и проза Д. Лондона, и знание наизусть многих стихотворений А. Блока и Г. Гейне. Подобный круг чтения как бы сигнализирует читателю, что Глан свой в кругу искателей дневника Нелидова ещё до того, как они получают возможность в этом убедиться с опорой на сюжетное действие.

Выводы. Подводя итог рассмотрению поэтики читательского опыта персонажей произведения К. Паустовского «Блистающие облака», можно сделать вывод не только о функции художественной прорисовки образов героев, но и о сюжетообразующем характере отсылок к произведениям мировой литературы, что, в свою очередь органично сочетается с жанровым заданием, которое предстояло творчески осуществить писателю – создать детективно-приключенческий роман. При этом читательский кругозор второстепенных персонажей, таких как Глан или Обручев, исчерпывается функциями портретной характеристики. Чтение капитана Кравченко, особенно книга Джека

¹ Гоголь Н. В. Несколько слов о Пушкине // Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. Статьи / под общ. ред. С. И. Машинского и М. Б. Храпченко. – М.: Худ. лит., 1978. – С. 63.

² Паустовский К. Г. Блистающие облака // Собрание сочинений: в 9 т. Романы и повести / вступ. ст. Г. Трефиловой; прим. Л. Левицкого. – М.: Худож. лит., 1981. – Т. 1. – С. 274.

Лондона на английском, акцентирует приключенческое жанровое задание, влияя на фабульное развитие отправки героев на поиски сокровища, украденного американским шпионом. Чтение Берга и Батурина, особенно пушкинские аллюзии, служат не только для определения их принадлежности к литературе, но и играют важную сюжетообразующую роль, подчёркивающую значимость созидания нового мира и нового человека посредством реализации твор-

ческого дара. В этом смысле закономерно, что искомым сокровищем является дневник лётчика Нелидова, отражающий читательский опыт совершенного героя, нового Икара, а завершение приключения увенчивается возможностью чтения обретенного текста, в центре которого обнаруживается мифологема Галатеи в поэтической переработке Л. Меем предвосхищающая жизнестроительские установки литературы 1920-х годов.

Список литературы

1. Ачкасова Л. С. Раннее творчество К. Г. Паустовского, 1916–1932 годы. Казань: Казан. ун-т, 1960. 56 с.
2. Васильева И. В. Литературное объединение «Серапионовы братья»: немецкая традиция в культуре русского неоромантизма // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 2. С. 73–80.
3. Данилович Т. В. Идея свободного творчества в декларации «Серапионовых братьев» // Весці БДПУ. Серія 1. Педагогіка. Психологія. Філологія. 2010. № 3. С. 71–73.
4. Дормидонтова А. И. Новые поступления в фонды Московского литературного музея-центра К. Г. Паустовского // Studia Litterarum. 2018. Т. 3, № 1. С. 332–343.
5. Карпеченко Т. В. Писатель и творчество в эстетической концепции К. Г. Паустовского: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2000. 24 с.
6. Колесниченко Е. Н. Мотив пути в романе К. Г. Паустовского «Блистающие облака»: к вопросу о романтическом герое в русской прозе XX века // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. 2011. № 2. С. 47–49.
7. Кременцов Л. П. Проблема творческой эволюции писателя (К. Г. Паустовский): дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.02. М., 1984. 360 с.
8. Мантрова С. А. Человек и природа в прозе К. Г. Паустовского 1910–1940-х годов (типология героя, специфика конфликта, проблема творческой эволюции): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Тамбов, 2011. 24 с.
9. Пономарева Е. В. Творческие эксперименты «Серапионовых братьев» в контексте идей художественного синтеза // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2007. № 8. С. 78–86.
10. Силантьев И. В. Поэтика мотива / отв. ред. Е. К. Ромодановская. М.: Языки славянской культуры, 2004. 296 с.
11. Терехова Е. С. Художественная эволюция К. Г. Паустовского (1910–1920-е годы): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2012. 25 с.
12. Тюпа В. И. Тезисы к проекту словаря мотивов // Дискурс. 1996. № 2. С. 52–55.
13. Ходанен Л. А. «Скульптурный» миф в контексте европейской и русской культуры последней трети XVIII века: миф о Пигмалионе и Галатее // Взаимодействия в поле культуры: преемственность, диалог, интертекст, гипертекст: сб. науч. ст. Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 2011. С. 29–41.
14. Шамякина Т. И. Герои Константина Паустовского – читатели // София: элект. науч.-просвет. журнал. 2018. № 1. С. 94–99.
15. Шатин Ю. В. Мотив и контекст // Роль традиции в литературной жизни эпохи: сюжеты и мотивы. Новосибирск: Ин-т филол., 1995. С. 5–16.
16. Щелокова С. К. Творчество К. Г. Паустовского 20–30-х гг. (к проблеме стиливого многообразия лит. соц. реализма): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02. Киев, 1975. 25 с.

Статья поступила в редакцию 01.06.2020; принята к публикации 25.07.2020

Сведения об авторе

Налегач Наталья Валерьевна, доктор филологических наук, профессор, Кемеровский государственный университет; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6; e-mail: nalegach@list.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1214-7363>.

Библиографическое описание статьи

Налегач Н. В. Роль мотива чтения в романе К. Паустовского «Блистающие облака» (1928) // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 5. С. 28–35. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-28-35.

References

1. Achkasova, L. S. The early work by K. G. Paustovsky, 1916–1932. Kazan: Publishing house of Kazan University, 1960. (In Rus.)
2. Vasilieva, I. V. Literary association “Serapion Brothers”: German tradition in the culture of Russian neo-romanticism. *Moscow University Herald*, no. 2, pp. 73–80, 2010. (In Rus.)
3. Danilovich, T. V. The idea of free creativity in the declaration of the “Serapion Brothers”. *Veci BDPU*, vol. 3, pp. 71–73, 2010. (In Rus.)
4. Dormidontova, A. I. New arrivals to the funds of the Moscow literary museum-center K. G. Paustovsky. *Studia Litterarum*, no. 1, pp. 332–343, 2018. (In Rus.)
5. Karpechenko, T. V. Writer and creativity in the aesthetic concept of K. G. Paustovsky. Cand. sci. diss. abstr. Moscow, 2000. (In Rus.)
6. Kolesnichenko, E. N. The motive of the path in the novel *Shining Clouds* by K. G. Paustovsky: to the question of a romantic hero in Russian prose of the twentieth century. Text interpretation: linguistic, literary and methodological aspects, no. 2, pp. 47–49, 2011. (In Rus.)
7. Kremontsov, L. P. The problem of the creative evolution of the writer (K. G. Paustovsky). Dr. sci. diss. Moscow, 1984. (In Rus.)
8. Mantrova, S. A. Man and nature in the prose by K. G. Paustovsky in the 1910–1940s (hero typology, specificity of the conflict, the problem of creative evolution). Cand. sci. diss. abstr. Tambov, 2011. (In Rus.)
9. Ponomareva, E. V. Creative experiments of the “Serapion Brothers” in the context of the ideas of artistic synthesis. *Bulletin of the South Ural State University*, no. 8, pp. 78–86, 2007. (In Rus.)
10. Silant'ev, I. V. Poetics of motive. Moscow: Languages of Slavic culture, 2004. (In Rus.)
11. Terekhova, E. S. Artistic evolution of K. G. Paustovsky (1910–1920s). Cand. sci. diss. abstr. Moscow, 2012. (In Rus.)
12. Tyupa, V. I. Theses to the draft dictionary of motives. *Discourse*, no. 2, pp. 52–55, 1996. (In Rus.)
13. Hodanen, L. A. “Sculptural” myth in the context of European and Russian culture of the last third of the 18th century: the myth of Pygmalion and Galatea. In: *Interactions in the field of culture: continuity, dialogue, intertext, hypertext: a collection of scientific articles*. Kemerovo: Kemerovo State University, 2011: 29–41. (In Rus.)
14. Shamyakina, T. I. Heroes of Konstantin Paustovsky – readers. *Sofia: electronic scientific and educational journal*, no. 1, pp. 94–99, 2018. (In Rus.)
15. Shatin, Yu. V. Motive and context. In: *The role of tradition in the literary life of the era: plots and motives*. Novosibirsk, 1995: 5–16. (In Rus.)
16. Shchelokova, S. K. Creativity of K. G. Paustovsky of the 1920–1930s: (On the problem of stylistic diversity of lit. social. Realism). Cand. sci. diss. abstr. Kiev, 1975. (In Rus.)

Received: June 1, 2020; accepted for publication July 25, 2020

Information about author

Nalegach Natalya V., Doctor of Philology, Professor, Kemerovo State University; 6 Krasnaya st., Kemerovo, 650000, Russia; e-mail: nalegach@list.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1214-7363>.

Reference to the article

Nalegach N. V. The Role of the Motive of Reading in K. Paustovsky's Novel *Shining Clouds* (1928) // *Humanitarian Vector*. 2020. Vol. 15, No. 5. PP. 28–35. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-28-35.